

Святослав Логинов

О чём плачут слизни

*Часть сборника
Когда рушится мир (сборник)*

Святослав Логинов

О чём плачут слизни

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153650*

*Когда рушится мир: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08452-5*

Аннотация

«Место казалось плотным, но Кика знала, какая прорва скрывается под ковром переплетшихся трав. Конечно, кто опаско ходит, тот пройдет, но девка с коробом клюквы за плечами шагала, не чая никакой беды, и, конечно же, вляпалась в самую хлябь. Оно и обошлось бы, девчоночка была худехонькая, а ивовые лапотки расшлепаны, что гусиная лапа. Этак можно через любую топь словно на лыжах пройти, но за плечами в щепном коробке лежало поболее пуда сладкой подснежной клюквы, и ягодный груз потянул девчонку вниз...»

Святослав Логинов

О чем плачут слизны

Место казалось плотным, но Кика знала, какая прорва скрывается под ковром переплетшихся трав. Конечно, кто опаско ходит, тот пройдет, но девка с коробом клюквы за плечами шагала, не чая никакой беды, и, конечно же, вляпалась в самую хлябь. Оно и обошлось бы, девчоночка была худехонькая, а ивовые лапотки расшлепаны, что гусиная лапа. Этак можно через любую топь словно на лыжах пройти, но за плечами в щепном коробке лежало поболее пуда сладкой подснежной клюквы, и ягодный груз потянул девчонку вниз.

Даже теперь можно было выбраться из трясины, если не рваться на волю дуриком, а спешно скинуть ношу, притопить ее и выползать на волю, ломая дранковые бока короба и давя нежную ягоду. Но путница либо не сообразила, как можно спастись, либо просто не поняла опасности и пожалела портить тяжким трудом собранное добро. А через минуту уже было поздно выбираться, болото жадно вцепилось в добычу, и всякое движение только ускоряло неизбежный конец.

Болотная жижа по весне холодна, сверху может июнь жарить, а под моховой шубой прячется стылое воспоминание о декабрьской стуже. Потому и болотная ягода цветет позже

всех иных.

Почувствовав, как ноги охватила липкая стылость, девчонка закричала, но слабый голосок сорвался, крик получился неубедительный. Даже если услышит кто, то не помчится сломя голову на выручку, а лишь плечами пожмет.

Девчонка билась уже бестолково. Исцарапанные руки рвали податливую траву, вялые после зимы корешки. Им бы ухватиться за что-то стоящее — ни в жисть бы не выпустили, выволокли бы засосанное тело из трясины, да нет кругом ничего ни стоящего, ни стоящего. Болото...

Кика страсть не любила наблюдать последние мгновения утопающих, когда жидкая грязь силком лезет в горло, тина застилает взор, а предсмертный кашель рвет легкие, с кровью выплескиваясь наружу. Болото неторопливо и убивает неспешно, позволяя в полной мере прочувствовать происходящее. А Кике какая радость с тех мук? Деревенские, конечно, всякое болтают, но что их слушать? Ни один из них в прорве не жывал и дела не знает. Люди только поверху ходят, оттого и глубины в их суждениях нет. А у самой Кики никто не спрашивал, нравится ли ей прохожих топить.

Не дожидаясь последних судорог, Кика рванулась к утопающей, обхватила длинными руками и потянула в глубину. Крик жертвы пресекся, залитый мутной водой. Пыталась ли утопленница сопротивляться или ее просто ломала предсмертная тоска, Кика не разобрала, недосуг было. И без того приходилось волочить не только саму девчонку, но и короб,

так и не скинутый с плеч и ужасно мешающий. Еле управилась с такой-то работой. Втащила обмякшее тело в затинок, освободила от ненужной ноши, уложила поближе к огоньку. Синий болотный огонь почти не светит, и тепла от него, что от лучины, а все с огнем уютнее. К тому же горит он день и ночь, успевая малость согреть тесный затинок.

Утопленница не дышала, и Кика, которой вовсе не интересно было возиться с мертвым телом, перевернула ее на живот и особым образом ударила между лопаток. Лежащая дернулась, горлом пошла пена, смешанная с грязью и илом. Все в порядке, значит, оживет. Люди, пожалуй, девку и не откачали бы, а для Кики в том ничего сложного нет. Сейчас отплюется и задышит.

Лежащая застонала и открыла глаза.

– Ну что, – спросила Кика, – оклемалась?

Утопленница обвела безумным взглядом затинок. Кику она разглядела не сразу, но, разглядевши, задрожала крупной дрожью и глаз уже не отводила. Оно и неудивительно, болотная жизнь никого не красит, вернее, красит, но в зеленый цвет. Кика шевельнулась, и девка немедленно подскочила, забилась в угол, поджав ноги, словно боялась, что Кика сейчас ухватит ее за лодыжки и утащит в самую глубь болота, в затинок. А чего бояться, когда уж давно в затинке сидишь?

– Спужалась? – поинтересовалась Кика. – А ты не пужайся, хозяйка я здешняя.

– Это ты меня утопила? – Девушка наконец разлепила пе-

ремазаннные илом губы.

– Утопла ты сама, а я тебя спасла. Кабы не я, лежала бы ты сейчас в ямине да торфянела потихоньку.

– Спасибо, тетенька.

– А ты не спасибай зря. Таким, как я, вовсе спасибо не говорят, мне ваше спасение без надобности. Давай лучше думать, к какому делу тебя пристроить.

– Тетенька, отпустили бы вы меня домой...

– Ишь, что удумала! – Кика усмехнулась. – Так я тебя не держу, дверь не заперта. Только учти, тута над головой илу семь сажен. Умеешь в иле плавать, так ступай.

– Что же делать-то? – Девчонка, все так же сидящая в углу, глянула на Кику глазами, полными слез. Не было уже в этом взгляде страха, одна глупая надежда.

– Вот и я думаю, что делать? – ворчливо ответила Кика. – Будешь со мной жить, станешь как я, болотной хозяйкой.

– Я не хочу.

– Да кто ж тебя спросит, голубушка? На-ко вот, глони. – Кика достала из туесочка слизистый комок, протянула девушке.

– Что это? – Утопленница плотнее вжалась в угол.

– Это, милочка, редкая вещь – слеза слизня. Как ты ее сглонеешь, то память о прежней жизни тебе враз отшибет и станешь ты мягкая да всему покорная, как тот слизняк. Тогда я тебя в кикимору переделаю, и будет нас тут две хозяйки.

– Я не хочу! – Девушка затрясла головой.

– Не хочешь – не надо, – покладисто согласилась Кика, пряча драгоценную каплю. – Неволить не стану. Сиди тогда здесь. Ты рукодельству какому ни есть обучена?

– Обучена! – с готовностью заторопилась утопленница. – И прясть умею, и на кроснах ткать, и по канве вышивать могу...

– На коклюшках умеешь?

– И кружево всякое – на коклюшках и крючком...

– Крючком – это как? – заинтересовалась Кика.

– Просто это, просто! Я хоть сейчас научу, у меня и крючок с собой!

Девушка добыла откуда-то тонкую железку, приняла от хозяйки клубок тонко спряденных зеленых ниток, принялась споро вязать, поясняя, что и как делает:

– ...крючком сквозь петлю нитку-то тащу... а тут – разом две. А можно одну нитку сквозь две петли, вот оно и закруживается...

Кика наблюдала за работой, молча кивала головой. Тому, кто всю жизнь рукодельничает, переспрашивать не нужно, он с первого взгляда науку перенимает. Потом спохватилась, сказала:

– Хорошо, ластонька, ловко у тебя выходит. Только давай сперва у огня пообсушись. Это мне, жабочке болотной, сырость на пользу, а тебе побережься надо – простудишься, не ровен час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.